

Раздался щелчок — браслет на запястье Шэнь Синланя слегка расстегнулся, часы внезапно соскользнули с руки и без всякого предупреждения упали на землю, а весь их циферблат разлетелся на мелкие кусочки.

— Ой, — Шэнь Синлань испугался столь внезапной перемены и сделал маленький шаг назад, как раз отступив прямо к Сун Сюю, который инстинктивно протянул руку, чтобы поддержать его.

Шэнь Синлань посмотрел на разбитые часы на земле, затем поднял взгляд на недовольного Хэ Юя и растерянно произнес:

— Прости, пожалуйста. Я и не думал, что у этих часов барахлит застёжка, я правда не со зла. Ты ведь не сердишься?

Разбитые часы на полу подействовали словно искра, брошенная в масло, вмиг воспламенив все сдерживаемые эмоции. Ведь это были часы, за которые он выложил огромные деньги и которые выбирал по меньшей мере в десятке магазинов!

Хэ Юй был так зол, что готов был взлететь на небеса, и ему жутко хотелось броситься вперед и избить Хэ Шу, но, чтобы перед лицом извинений Хэ Шу сохранить свой образ понимающего и чуткого человека, он мог лишь выдавить улыбку:

— С чего бы мне сердиться?

Слова «с чего бы» были буквально протиснуты сквозь зубы.

Шэнь Синлань снова отступил назад, ища защиты, как ребенок, совершивший ошибку. Он чуть склонил голову набок и ухватился пальцами за край одежды Сун Сюя — все его движение было плавным, как текучая вода, и совершенно естественным.

— А-Сюй, — тихо позвал он, — я случайно разбил те дорогие часы, что подарил мне Сяо Юй. Что же теперь делать?

Ему казалось, будто зажатым между пальцев оказался не край одежды, а его собственное сердце. Разве кто-нибудь когда-нибудь полагался на него с таким доверием? Взгляд, которым Хэ Шу смотрел на него, говорил о том, что он — весь его мир.

Защитные инстинкты Сун Сюя вспыхнули с невероятной силой. Он шагнул вперед, наклонился и поднял разбитые часы:

— Я знаю одну часовую мастерскую, отнесу их починить.

Они демонстрировали свою любовь, никого вокруг не замечая, словно остальных вовсе не существовало. Эмоции Хэ Юя бурлили и переворачивались; вспомнив, как Сун Сюй в роще сравнивал его с Хэ Шу, он до боли впился ногтями в ладони.

Лишь услышав собственный голос, назвавший имя Сун Сюя, Хэ Юй с внезапным осознанием понял, что его терпение и выдержка подошли к пределу.

Шэнь Синлань и Сун Сюй стояли неподалеку. Сун Сюй не смотрел на Хэ Юй прямо, смертельно боясь, что Хэ Шу что-нибудь заметит, и его тон был предельно холодным:

— Зачем ты меня зовешь?

Уж кто-кто, а умный Хэ Юй не мог не заметить отчуждения и скрытой угрозы в его глазах?

То ли чувствуя абсурдность происходящего, то ли находя это смешным, Хэ Юй вспомнил, что в какой-то момент его сердце всё же дрогнуло по отношению к Сун Сюю.

Он быстро скрыл тоску в глубине глаз:

— Куда это вы с братом собрались?

— Поужинать. — Сун Сюй стоял чуть впереди Шэнь Синлани, закрывая его собой — это была явная защитная поза. — Раз уж извинения принесены, а часы отданы, теперь до тебя нет никакого дела.

Кулаки Хэ Юя сжались до синевы, костяшки пальцев побелели. Он с силой прикусил губу, сохраняя пристойную улыбку:

— Позаботьтесь о брате.

В тот миг, когда он поднял взгляд, он увидел, как Хэ Шу прислонился к плечу Сун Сюя и одарил его сладкой улыбкой.

Эта улыбка стала настоящим смертельным ударом. Хэ Юй долго стоял на месте, и лишь убедившись, что те двое действительно ушли, быстрым шагом направился прочь. Забившись в какой-то школьный уголок, он достал кисть и принялся быстро и яростно рисовать на белом листе бумаги, чтобы хоть так усмирить бушующие внутри эмоции.

Он рисовал глаза — свирепые, хитрые глаза, глаза, что неустанно отслеживают из засады, глаза, пронизанные зловещими красными жилками.

Рисовал всё быстрее, всё лихорадочнее, словно проливной дождь, обрушивающийся на землю.

Закончив рисунок, он скомкал его в комок и со злости изо всех сил растоптал.

Лишь после этого полного комплекса действий камень с души Хэ Юя наконец окончательно свалился. Он закрыл глаза, поправил одежду и прическу, после чего невозмутимо и с достоинством вышел на улицу.

На экране его телефона в кармане светилось с десятков пропущенных вызовов — все они были от встревоженных Хэ Шэньюаня и Хэ Цинчэна.

В конце учебного дня на улицах было много народу, а с проезжей части неподалеку доносился непрерывный гул мчащихся машин.

Сун Сюй прикрыл Шэнь Синланя плечом и направился к выходу. В западном ресторане неподалеку от школы столик был заказан им заранее.

За те несколько шагов его и без того невеликий ум был целиком занят обдумыванием только что услышанного разговора.

Расплатой за рассеянность чуть не стало столкновение с прохожим. Шэнь Синлань проявил молниеносную реакцию и придержал его, а затем повернулся и взглянул на него:

— О чем ты думаешь?

Язык Сун Сюя опередил мысли:

— С чего это Хэ Юй — твой родной брат?

Сорвав эти слова с языка, он только тогда сообразил, что спросил то, о чем спрашивать не следовало. Когда Хэ Юй только перевелся в школу, он числился двоюродным братом кого-то из семьи Хэ, поэтому никто и не сомневался.

Если родным сыном оказывается Хэ Юй, а не Хэ Шу, то задавать такой вопрос в открытую было крайне неуместно.

Хоть Сун Сюй и не отличался большим умом, элементарные приличия ему были знакомы, поэтому он тут же принес извинения:

— Прости меня, малыш, я не со зла, просто я так поражен.

Они шли бок о бок в толпе спешащих людей, а теплые краски заката заливали всё вокруг, отбрасывая на землю длинные тени.

— Любого нормальный человек удивился бы, — упомянув о великой тайне, Шэнь Синлань говорил столь небрежным тоном, что это создавало иллюзию мягкого безразличия. — Моя мама только спустя семнадцать лет жизни в роли матери поняла, что я ей не родной, а Хэ Юй — ее плоть и кровь.

Если бы Хэ Шу произнес эти слова с пронзающей сердце болью в лице, это не произвело бы на Сун Сюя такого мощного впечатления, как сейчас.

Насколько же сильной должна быть боль, чтобы говорить о ней с такой легкостью?

Сун Сюй уже от одних своих домыслов едва не задохнулся от жалости. Протянув руку, он на мгновение замер, после чего опустил ладони на плечи Шэнь Синланя, словно легкое пёрышко:

— Это же полный пиздец.

Шэнь Синлань опустил голову; его густые ресницы дрожали, скрывая эмоции на дне глаз, а четкая линия подбородка была напряжена. Помолчав немного, он тихо произнес:

— Пожалуй, само мое появление на свет было ошибкой.

— Не говори глупостей! У тебя же есть я! — Сун Сюй отчаянно хотел утешить его, но, будучи косноязычным, не знал, как выразить свои чувства, и выпалил: — Семья Хэ больше не станет тебя содержать — тогда я буду тебя содержать! Мои карты, машина, всё-всё принадлежит тебе.

По крайней мере, в эту секунду он был искренен: он был готов отдать Хэ Шу даже все свои карманные деньги, абсолютно всё.

Шэнь Синлань слегка вздохнул и устремил на него тихий взгляд:

— Теперь у меня остался только ты. И я так боюсь каждого прожитого дня.

Сун Сюй, рожденный с серебряной ложкой во рту и понятия не имевший, что такое страх, тут же попытался:

— Чего ты боишься?

В лучах заходящего солнца в уголках губ грустного юноши промелькнула едва заметная улыбка:

— Конечно же, того, что в один прекрасный день меня отправят обратно по месту прописки, и я больше никогда тебя не увижу.

<http://bllate.org/book/26521/3174732>